

Морока. Русская народная сказка

1.

Жил-был старик да старуха. Пришел бурлак и просится ночевать. Старик пустил: «Пожалуй, ночуй, только с таким уговором, чтобы всю ночь сказки сказывал». — «Изволь, буду сказывать». Ну, вот хорошо; полез старик с бурлаком на полаты, а старуха сидит на печи — лен прядет. Бурлак и думает про себя: «Дай-ка, разве подшутить над ним!» — и оборотил себя волком, а старика медведем. «Побежим, — говорит, — отсюда», — и побежали в чистое поле. Увидал волк старикову кобылу и говорит: «Давай съедим кобылу!» — «Нет, ведь это моя кобыла!» — «Ну да ведь голод не тетка!» Съели они кобылу и опять побежали; увидели старуху, старикову-то жену, — волк опять и говорит: «Давай съедим старуху!» — «Ой, да ведь это моя старуха», — отвечает медведь. «Какая твоя!» Съели и старуху. Так-то медведь с волком лето целое пробегали; настает зима. «Давай, — говорит волк, — засядем в берлогу; ты полезай дальше, а я наперед сяду. Коли найдут нас охотники, так меня первого застрелят; а ты смотри, как меня убьют, начнут кожу сдирать, — ты выбеги, да через кожу-то переметнись, и обернешься опять человеком». Вот лежат они в берлоге; набрали на них охотники, сейчас застрелили волка и начали снимать с него кожу. В то самое время медведь как выскочит, да кувырк через волчью шкуру — и полетел старик с полатай вниз головою. «Ой, ой! — заревел он. — Всю спину отбил!» Старуха кричит: «Что ты, черна немочь! Почто пал? Кажись, пьян не был». — «Да вот почто, — и начал рассказывать: — Ты ведь ничего не знаешь, а мы с бурлаком зверьем были: он — волком, я — медведем; целое лето да зиму пробегали, и кобылу нашу съели, и тебя, старую, съели!» Старуха принялась хохотать, просто удержу нету: «Ай да бурлак! Славно подшутил!»

2.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был матрос; служил царю верно, вел себя честно, потому и начальство его знало. Отпросился он раз с корабля походить по городу, надел свой парусинник и пошел в трактир; сел за стол и потребовал себе и вина и закусок: ест, пьет, прохлаждается! Уж рублей на десять забрал, а все не унимается: то того, то

другого спрашивает. «Послушай, служба, — говорит ему половой, — забираешь ты много, а есть ли у тебя чем рассчитаться?» — «Эх, братец, о деньгах, что ли сомневаешься? Да у меня денег куры не клюют». Тотчас вынул из кармана золотой, бросил на стол и говорит: «На, получай!» Половой взял золотой, высчитал все, как следует, и приносит сдачу; а матрос ему: «Что там за сдача, братец! Возьми себе на водку».

На другой день опять отпросился матрос, зашел в тот же трактир и прогулял еще золотой; на третий день тоже, и стал он ходить туда, почитай, каждый день и все платит золотыми, а сдачи не берет, дарит половому на водку. Стал замечать за ним сам трактирщик, и пришло ему в сомнение: «Что бы это значило? Матросишка — так себе, а поди как сорит деньгами! Полную шкатулку золота натаскал!.. Жалованье мне ихнее известно, небось — не раскутишься! Верно, он где ни на есть казну обобрал; надо начальству про то донести; неровён час — еще в такую беду попадешь, что после и не разделаешься, а пожалуй, и в Сибирь угодишь». Вот и доложил трактирщик офицеру, а тот довел до самого генерала. Генерал потребовал к себе матроса. «Признавайся, — говорит, — по совести, отколь золото брал?» — «Да этого золота во всякой помойной яме много!» — «Что ты врешь?» — «Никак нет, ваше превосходительство! Не я вру, а трактирщик; пусть покажет он то золото, что от меня получил».

Сейчас принесли шкатулку, открыли, а она полнехонька костяшек. «Как же, братец: ты платил золотом, а очутились костяшки? Покажи, как ты сделал это?» — «Ах, ваше превосходительство! Ведь нам смерть приходит...» Глядят, а в окна и в двери так вода и хлынула; все выше да выше, уж под горло подступает. «Господи! Что же теперь делать? Куда деваться?» — спрашивает с испугу генерал. А матрос в ответ: «Коли не хотите тонуть, ваше превосходительство, так полезайте за мною в трубу». Вот и полезли, взобрались на крышу, стоят и смотрят во все стороны: целый город затопило! Такое наводнение, что в низких местах совсем домов не видать; а вода прибывает да прибывает. «Ну, братец, — говорит генерал, — верно и нам с тобой не уцелеть!» — «Не знаю; что будет — то будет!» — «Смерть моя приходит!» — думает генерал, стоит сам не свой да богу молится.

Вдруг откуда нё взялся — плывет мимо ялик, зацепился за крышу и остановился на том месте. «Ваше превосходительство, — говорит матрос, — садитесь скорее в ялик, да поплывем; может, и уцелеем, авось вода сбудет». Сели оба в ялик, и понесло их ветром по воде; день плывут, и другой плывут, а на третий стала вода сбывать, и так скоро — куда только

она делась? Кругом сухо стало; вышли они из ялика, спросили у добрых людей, как слывет та сторона и далеко ль занесло их? А занесло-то их за тридевять земель, в тридесятое царство; народ все чужой, незнаемый. Как тут быть, как попасть в свою землю? Денег при себе ни гроша не имеют, подняться не на что. Матрос говорит: «Надо наняться в работники да зашибить деньжонок; без того и думать нечего — домой не воротишься». — «Хорошо тебе, братец! Ты давно к работе привычен; а мне каково? Сам знаешь, что я генерал, работать не умею». — «Ничего, я такую работу найду, что и уменя не надо».

Побрели в деревню и стали в пастухи наниматься; общество согласилось и порядило их на целое лето: матрос пошел за старшего пастуха, а генерал за подпаска. Так-таки до самой осени и пасли они деревенскую скотину; после того собрали с мужиков деньги и стали делиться. Матрос разделил деньги поровну: сколько себе, столько и генералу. Вот генерал видит, что матрос равняет его с собою, стал на это обижаться и говорит:

«Что же ты меня с собою равняешь? Ведь я — генерал, а ты — все-таки простой матрос!» — «Как бы не так! Мне бы разделить на трое: две части себе взять, а с вас и одной довольно: ведь я настоящим пастухом был, а вы — подпаском». Генерал осерчал и принялся всячески ругать матроса; а матрос крепился-крепился, размахнул рукой, как толкнет его в бок: «Очнитесь, ваше превосходительство!» Генерал очнулся, смотрит — все по-старому; как был в своей комнате, так и не выходил из ней! Не захотел он больше судить матроса, отпустил его от себя; так трактирщик ни при чем и остался.

3.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь Агей. У этого царя были корабли, ездили воевать в другие страны, и напал на них нечаянно-негаданно сильный неприятель. На одном корабле был на ту пору Иван-бурлак; видит беду неминуемую, ухватился за мачту и повел корабль под воду, отплыл от неприятеля с версту и вынырнул наверх. Доложили про то дело царю, и царь отпустил его на волю. Ходит бурлак по всему царству; только про Иванушку слава хороша, а в кармене нет ни гроша! Да уж что говорить про деньги, коли не было у него ни кола, ни двора, принужден был искать себе квартиру, где бы от темной ночи укрыться, от дождя схорониться.

Нашел он квартиру у отставного солдата и зачал с ним уговариваться: «Я, — говорит, — буду у тебя только по ночам ночевать, а днем стану промышлять да хлеб добывать; а ты себе знай денежки получай: за каждую ночь по целковому». Солдат — не богат, куда деньгам рад! И вспало ему на разум купить себе ларчик, закрыть его наглухо, а сверху прорезать малую дырочку и класть туда рублевки на сохрану. Так и сделал; за всякую ночь дает ему бурлак по целковому, а он все в ларчик да в ларчик. «Кажись, много накопил, — думает он однажды, — время-то прошло немалое, дай посмотрю: много ли у меня рублевиков? А ведь мой бурлак, стало быть, совсем дурак; не ест, не пьет, а кажную ночь по целковому несет! Где только он деньги берет?»

Открывает солдат ларчик, а в нем и не пахнет деньгами: одни щепки лежат. И вышел у хозяина с постояльцем большой тогда спор; один божится, что чистым серебром давал, а другой говорит: «Ну, брат, не знал, что ты этакой мошенник! Я бы тебя и на квартиру не пускал, а то, вишь, все время даром простоял; чего у тебя взять? Как добрым людям сказать?» Отправился солдат в суд и стал просить, чтоб его с бурлаком рассудить. Судьи думали-думали, ничего не выдумали; приказали обоим им руки связать да к царю отослать. Царь Агей стал спрашивать у солдата: какие деньги он брал и куда клал? «Я брал ходячею серебряною монетою и клал в сундучок, чтоб не терся бочок». Царь Агей захохотал, наскоро за сундучком послал. Принесли ларчик, отперли, поглядели, а в нем лежат всё целковики, да такие новые — словно с молотка сейчас! Царь Агей на солдата напустился, закричал: «Ты зачем бурлака оболгал?» и приказал его взять да плетьюми наказать. Ивану-бурлаку стало жаль солдата, просит у царя, чтоб его не бил: «Это, — говорит, — я над ним шутку сшутил». Царь спрашивает: «Неужли ты сможешь этак шутить?» — «Смогу, ваше царское величество!» — «А ну, пошуту надо мною». — «Я бы рад, да боюсь — достанется». — «Ничего не достанется! Вот тебе Микола порукою».

Тотчас напустил бурлак полон дворец воды; сенаторы всполошились, тонуть-то никому не хочется, чуть не плачут со страху! А к царскому месту подплывает лодка. «Царь Агей, — говорит Иван-бурлак, — сядем в лодку да поедем гулять». Сели и поехали; понесло их ветром в открытое море, а на море поднялась такая сильная буря, что долго они живота себе не чаяли; потом буря помаленьку стихла, и прибило лодку к одному острову. Вышел царь на землю, ступил шага два-три, оглянулся назад — нет ни лодки, ни Ивана-бурлака. Задумался царь Агей: «Куда мне теперь идти?» И пошел вдоль берега; шел-шел и попал в большой город. Видит он: несет баба

жареную баранину продавать. «Голубушка, — говорит царь, — найми меня: я стану тебе служить, стану за тобой баранину носить». — «Что возьмешь?» — «Ничего, только хлебом корми». Баба согласилась, и пошли они вдвоем по городу.

Царь нес-нес баранину, захотелось ему попробовать, взял кусок и давай есть. Тут со всех сторон обступили его прохожие, начали приставать да спрашивать: «Что ты ешь?» — «Жареную баранину». — «Какая баранина! Это человечья рука. Вишь какой людоед появился!» Схватили его, связали по рукам и по ногам и посадили в острог. Стали опосля судить, и присудили предать его смертной казни; привели на помост, положили голову на плаху, палач взял в руки топор, замахнулся... «Ай!» — закричал царь Агей. Сенаторы повскакивали со стульев: «Что так громко изволили закричать?» — «Еще бы не кричать: чуть-чуть палач головы не отсек!» — «Что вы это, ваше величество! Какой палач? Вы сидите во дворце, на своем на царском месте, и нас всех собрали судить Ивана-бурлака». — «А ты здесь еще, проклятый, — грозно сказал царь Агей, — жаль мне, что Миколу дал в поруки, а то б велел тебя повесить. Вон из моего царства, чтоб твоего и духу не было слышно!» Тотчас же отдан был приказ по всему царству, чтоб никто не смел принимать в свой дом Ивана-бурлака. Долго бродил он без пристанища; во все дворы заходил — нигде не пускают.

Вот одна́ раз приходит бурлак в деревню и просится к мужику. «Царь не велел!» — говорит мужик. «Пусти, добрый человек!» — «Сказано; нельзя! Коли пущу, так разве за сказку, я до них большой охотник». — «Пожалуй, хоть за сказку». Мужик пустил его, накормил-напоил, и полезли оба на полати. «Ну, сказывай сказку!» — пристаёт хозяин к Ивану-бурлаку, а тот ему в ответ: «Посмотри-ка на себя, кто ты стал?» Мужик посмотрел на себя: как есть медведь! «Посмотри и на меня; ведь и я такой же!» — «Как же нам быть? Ведь нас, пожалуй, убьют!..» — «Небось!»

На полатах-то было окно; вот Иван-бурлак толкнул хозяина за окно, и сам за ним; побежали в лес. Увидали их охотники и погнались вслед. «Что теперь делать?» — спрашивает мужик. «Садись в дубовое дупло, а я возле сяду; коли охотники прискачут, меня убьют да сдерут мою шкуру — ты выскочи из дупла, перекувырнись через шкуру — и будешь опять человеком». Только успел рассказать, наскочили охотники, убили медведя, сняли с него шкуру и пошли к речке руки мыть.

Мужик увидел, что они ушли, выскочил из дупла, перевернулся раз — и полетел с полатей наземь, больно ушибся, и говорит сам с собой: «Праведно

повелел царь Агей, чтоб тебя нигде не пускали!» А Иван-бурлак кричит с полатей: «Что, хозяин, видно, крепко уснул!» — «Где ты, окаянный? Ведь тебя убили и шкуру сняли?» — «Неправда, я жив, и шкура цела!» Тут хозяин выгнал его в зашей из дому. Иван-бурлак шатался, шатался и ушел в иное царство.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.